

Л. И. Вигерина

**«Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского
и «Сокровище духовное, от мира собираемое» Тихона Задонского**

В статье определяется значение творения Тихона Задонского «Сокровище духовное, от мира собираемое» для Ф. М. Достоевского периода работы над «Записками из Мертвого дома». Выявляются и анализируются образы, мотивы, идеи «Сокровища духовного», отразившиеся в «Записках из Мертвого дома». История преобразования героя «каторжной» книги писателя рассматривается в соотношении с теми путями преобразования человека, которые намечены в сочинении святителя.

Ключевые слова: «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, «Сокровище духовное, от мира собираемое» святителя Тихона Задонского, покаяние, преобразование, смирение, страдание.

Lyudmila I. Vigerina

**“Notes from the Dead House” by F. M. Dostoevsky
and “A Spiritual Treasure Gathered from the World”
by St. Tikhon of Zadonsk**

The article defines the meaning of “A Spiritual Treasure Gathered from the World” by St. Tikhon of Zadonsk for F.M. Dostoevsky's while his working on “Notes from the House of the Dead”. The images, motives, and ideas of “A Spiritual Treasure” reflected in the “Notes from the House of the Dead” are identified and analyzed. The history of the protagonist's transformation is considered in relation to the paths of human transformation that are outlined in the saint's work.

Key words: “Notes from the House of the Dead” by F. M. Dostoevsky, “A Spiritual Treasure Gathered from the World” by St. Tikhon of Zadonsk, repentance, transformation, humility, suffering.

«Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского представляют собой исповедь Александра Петровича Горянчикова, пережившего на каторге преобразование духа, вышедшего из тьмы к свету, осознавшего грех дворянства, интеллигенции, принявшего в свое сердце русский народ и его идеал – образ Христа. Каторга как чистилище, освобождение от заблуждений, уныния, обретение подлинного смысла жизни – христианского – воспринималась Достоевским в продолжение всей его судьбы.

В. А. Туниманов писал об исповеди Горянчикова как об исповеди «одно- временно личной и сословной: дворянин на “простонародной” каторге» [8, с. 90]. И это справедливо. Однако исповедь Горянчикова имеет и очевидный религиозный характер, отражающий путь героя к самому себе подлинному, к русскому народу, хранителю христианских идеалов, к Богу, ко Христу.

Отметим, что уже современники писателя почувствовали «религиозное потрясение духа» повествователя [4, с. 245].

В настоящей статье мы не будем останавливаться подробно на анализе христианского подтекста «Записок из Мертвого дома», этот вопрос отражен в нашей работе «Записки из Мертвого дома». Проблема жанра» (СПб., 1997).

Целью данного исследования является установление связи «Записок из Мертвого дома» с сочинениями Тихона Задонского, выявлением того значения, какое оказало «Сокровище духовное» на замысел «каторжной книги», на ее сюжетостроение, образ героя и пафос произведения.

Гипотеза работы состоит в том, что творения Тихона Задонского являются одним из источников, способствовавших созданию глубинного христианского подтекста «Записок из Мертвого дома».

Большинство исследователей считают, что личность Тихона Задонского заинтересовала Достоевского в начале 60-х годов, когда были обретены его мощи в Воронеже и когда вышло в свет 15-томное собрание его сочинений. Так, в комментариях к 10 тому собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 15 томах высказано предположение, что писатель проникся интересом к Тихону Задонскому «еще в Сибири или, что более вероятно, в начале 1860-х годов, когда вышло в свет 15-томное собрание его произведений, а затем несколько его жизнеописаний» [3, с. 407].

Однако в работах последнего времени указывается, что Достоевский мог быть знаком с творчеством Тихона Задонского уже в омский период своей жизни. Так, Л. Г. Пономарева пишет: «Через священника Дмитрия Пономарева Достоевский мог пользоваться фондами библиотеки Воскресенского собора, в которой находилось по тем временам лучшее собрание православных книг. По сохранившимся архивным документам восстановимы наименования книг библиотеки военного крепостного собора. Можно высказать предположение, что уже в Омском остроге Достоевский познакомился с творениями Тихона Задонского. В документах Омского духовного правления сохранился указ от 30 сентября 1838 года, в котором говорилось, что в библиотеку Воскресенского собора было выписано полное собрание сочинений Преосвященнейшего Тихона епископа Воронежского в 11 томах. Скорее всего, речь шла о первом московском издании 1836 года» [6].

В научной литературе еще не было отмечено воздействие сочинений Тихона Задонского на замысел «Записок из Мертвого дома», этим и определяется актуальность настоящей статьи.

Попробуем обозначить возможные точки пересечения «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского с «Сокровищем духовным» Тихона Задонского.

1. Связь «Записок из Мертвого дома» с идеями, образами, мотивами «Сокровища духовного» обнаруживается в общем видении святителем и писателем значения личности Христа

Образ Христа в толковании Тихона Задонского и в восприятии Ф. М. Достоевского – это ядро православия.

Ф. М. Достоевский вынес из своего каторжного опыта понимание ментальности русского народа как христоцентрической. Свое собственное понимание личности Христа он изложил в известном письме к Н. Д. Фонвизинной (февраль 1854, Омск): «Я слышал от многих, что Вы религиозны, Наталья Дмитриевна. Не потому, что Вы религиозны, но потому, что сам пережил и прочувствовал это, скажу Вам, что в такие минуты жаждешь, как “трава иссохшая”, веры, и находишь ее, собственно потому, что в несчастьях и яснее истина. Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен, в эти минуты я люблю и знаю, что другими любим, и в такие минуты я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершенней Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [1, т. 28, кн. 1, с. 176].

В статье Л. Г. Сатаровой и Н. В. Стюфляевой «Творения святителя Тихона Задонского и проблема “положительно прекрасного человека” в романах Ф.М. Достоевского (“Преступление и наказание”, “Идиот”))» совершенно справедливо указывается: «Святитель Тихон Задонский в своем труде “Сокровище духовное” так определил доминанту национального самосознания русского человека: в центре его веры и духовного мира находится Спаситель Иисус Христос. В концептуальной главе, открывающей книгу и названной «Солнце», мы читаем следующее: “Прежде восхождения солнца тьма и ночь пребывает, но как солнце взойдет, тьма отступает, и свет воссияет. Тако до

пришествия Христова, иже есть Солнце праведное, тьма всю вселенную покрывала и ночь глубокая была; но как сие светлейшее воссияло Солнце, и свои теплейшие лучи на всю вселенную испустило, благоприятнейший и сладчайший душам нашим воссиял свет”» [7, с. 12].

2. В категориях света и тьмы, традиционных для христианской богословской традиции и ораторского искусства Древней Руси (Кирилл Туровский, митрополит Илларион и др.), рассматривает Тихон Задонский судьбу человека на земле: душа человека, освещенная светом Истины, каковой является Христос, идет прямым путем, видит все ясно: «Когда солнце сияет на небе, все ясно бывает. Всякий видит путь, по которому нужно идти, и куда идти, что делать и от чего уклоняться. Видит, отличает одну вещь от другой, и полезное от вредного, и прочее. «Выходит человек на дело свое и на работу свою до вечера» (Пс.103:23). Так и в душе бывает, которую Христос, Солнце праведное, просветит. Такая душа все ясно видит, познает прелесть и суету этого мира, познает добро и зло, порок и добродетель, вред и пользу, путь к погибели и путь к вечной жизни ведущий, совершает дела Богу угодные и себе полезные» [2].

Душа же, заблудившаяся на земных путях, потерявшая нравственные ориентиры, находится словно во тьме ночи, считает Тихон Задонский: «Когда солнце зайдет, ночь и тьма бывает. Тогда люди не видят ничего, не отличают одной вещи от другой, и ходят, как слепые, в ров падают, и не знают, как уклониться от вреда. Таково состояние тех душ, в которых свет Христов не воссиял! Осязают они, как слепые, не отделяют добра от зла, не различают пользы и вреда, впадают от греха в грех. Хватаются за то, что само по себе ничто, отставляют то, что велико. Думают, что они идут прямым путем, но не знают, что он в ров погибели их ведет» [2].

В тех же категориях света и тьмы рассматривает свою историю герой «Записок из Мертвого дома» Александр Петрович Горянчиков. Характерно, что описание первого времени пребывания героя в остроге связано с сумерками, тусклым светом, мрачным колоритом. Герой ощущает потерянность, переживает уныние, ненависть, духовную смерть. В исповеди он постоянно признается, что не видел, не понимал тогда еще таких же страдальцев, как и он сам, но пишет записки уже не тот, кто вошел 10 лет назад в острог, а человек многое переживший, переосмысливший, стоящий теперь на иной позиции.

Герой признается, что ему «больно вспоминать теперь о тогдашнем настроении души», теперь же ясный, умиротворенный тон его повествования свидетельствует об обретении «почвы» под ногами, об обретении веры.

Через страдания, через «вынужденное сожительство» с народом открывается ему «золото сердца народного». Исповедь написана тоном человека, который обрел истину и успокоился в ней. На тон исповеди рассказчика «Записок из Мертвого дома» обратили внимание исследователи, все они писали о сдержанном, спокойном, уверенном тоне.

Л. Шестов заметил: «В них (записках Горянчикова – Л. В.) столько выдержанности, ровности, тихого величавого спокойствия – и это при колоссальном внутреннем напряжении» [9, с. 29].

К. Мочульский, сравнивая тон писем Достоевского о каторге и тон «Записок Из Мертвого дома», указал на «примиренность и ясность» исповеди Горянчикова и «измученность, отвращение, даже озлобленность» некоторых писем писателя послекаторжного периода [5, с. 121].

Думается, что такой тон исповеди Горянчикова продиктован тем, что он «совершил величайший акт христианского смирения», если пользоваться словами К. Мочульского о самом писателе.

Душевная тьма первого времени пребывания героя на каторге сменяется светом, высветившим для него под наружной, наносной корой образ Христов в глубине народной души.

3. История Горянчикова – это история преображения героя, перерождения его убеждений.

Исследователи указывают на 5 путей «восхождения к духовному совершенству» человека, которые наметил в «Сокровище духовном» Тихон Задонский: «1) познание человеком собственной немощи (здесь свт. Тихон использует для иллюстрации образ “иссохшего дерева” – бесплодного, нераскаянного грешника); 2) плодом выполнения первой заповеди является смирение, которое бездонно и безгранично, поскольку ориентировано на жертвенный подвиг Христа, Который смирил Себя до смерти и смерти крестной; 3) признание всякого доброго дела не своим и славу его – не человеческим, а Божьим делом; 4) абсолютное доверие Господу, выраженное в молитве Псалмопевца: “Не остави меня, Господи, не отступи от мене; вонми в помощь мою, Господь спасения моего” <...> 5) “Когда посылает тебе Бог напасть, скорбь и печаль, то хочет исправить тя, и древом плодовитым сотворити тя: потерпи убо Господу твоему, якоже терпиши врачу, горьким лекарством пользующему тебе. Горькое лекарство – плоти скорбь и печаль, но сим душа болящая исцеляется”» [7, с. 12].

Характерно, что в письме Н. Д. Фонвизиной Ф. М. Достоевский себя грешного сравнивает с «травой иссохшей», у Тихона Задонского грешника символизирует «дерево иссохшее». Хотя «иссохшее дерево» или «иссохшая

трава» – образы, традиционные для святоотеческой и богословской литературы, тем не менее возможность предположить, что источником образа в письме Достоевского является творение Тихона Задонского, есть.

Преображение Горянчикова включает несколько ступеней, соотносимых с теми, что определяет Тихон Задонский.

1. Покаяние в грехах, признание несправедливости своего прежнего воззрения на мир и людей: «Одинокий душевно, я пересматривал всю прошлую жизнь мою, перебирал все до последних мелочей, вдумывался в мое прошедшее, судил себя один неумолимо и строго и даже в иной час благословлял судьбу за то, что она послала мне это уединение, без которого не состоялись бы ни этот суд над собой, ни этот строгий пересмотр прежней жизни» [1, т. 4, с. 220].

2. «Выживание» и обретение смиренного отношения к миру: «теперешний» Горянчиков, переживший перерождение, ни словом в своей исповеди не упрекает тех, кто обрек его на мучения невыносимые, кто «язвил его насмешками и презрением», кто «ломался на работах над бывшим дворянином», ни словом не укоряет «язвителей», напротив, осуждает себя за то, что не умел тогда же разглядеть идеальное в каторжном народе.

3. Исследователи давно отметили, что мысль Ф. М. Достоевского о необходимости страдания идет от Тихона Задонского. Святой призывал победить «смирением гордость, гнев кротостию и терпением, ненависть любовью».

В исповеди Горянчикова ненависть к каторжанам, таким же страдальцам, как он сам, в начале его каторжного пути сменяется любовью к народу, который он узнал, дворянская гордость «учителя жизни» – смирением перед народной правдой.

Особенное значение для Достоевского в период написания «Записок из Мертвого дома» могла иметь 9 глава из «Сокровища духовного» Тихона Задонского – «Преступники и радостная им весть», в которой говорится о бесконечной милости и прощении Господа: «Пришел Сын Божий, грешников спасти, не таких и таких, а всяких, какие бы они ни были. Только бы покаяться, веровали в пришедшего грешников спасти Иисуса Христа – и рай им откроется рукой на Кресте распятого Христа. Покайся и ты, грешник, и веруй в святое и сладчайшее Евангелие это, и, без сомнения, войдешь с разбойником в рай [2].

Эти слова святителя могут служить своеобразным комментарием к эпизоду из «Записок из Мертвого дома», в котором каторжане в церкви во время Великого поста, услышав слова священника: «Но яко разбойника мя приими» – почти все повалились на землю, звеня кандалами. Эпизод этот отражает ис-

креннее покаяние народа в своих грехах, веру в прощение и милосердие Божие. Это поведение каторжан, их искренняя вера и упование на Христа отозвались в сердце Горянчикова и во многом определили его путь преображения и воскресения.

Победив свою гордыню, себя и обретя внутреннюю свободу, духовную, человек, по мысли Тихона Задонского, тогда-то только и способен увидеть мир и людей в настоящем свете: собственный эгоизм в этом случае не искажает зрения: «И уже прежнее твое житие скаредное и скверное не повредит тебе, как тьма вышедшему на свет. Тьма – нераскаянное житие и заблуждение, свет – покаяние и исправление. Ты отрехшись прежнего своего жития и начнешь новое, как из тьмы на свет вышел...» [2].

Горянчиков признается, что он на каторге еще духовно слепой: «Я не мог и даже не умел проникнуть во внутреннюю глубину этой жизни в начале моего острога, а потому все внешние проявления мучили меня тогда невыразимой тоской». Тихон Задонский в «Сокровище духовном, от мира собираемом» в главе «Плач» пишет о духовной свободе, освобождении души от ига всего внешнего, от власти сиюминутных вещей: «Плачут люди, сидящие в темнице, что не видят света. Плачь и ты, христианин, что душа твоя тьмою страстей объята, не видит света Божественного. «Изведи из темницы душу мою, Господи, исповедатися имени Твоему» (Пс.141:8). Плачут люди, окованные узами и кандалами, что не имеют свободы. Плачь и ты, христианин, что душа твоя грехами, как узами, связана и не имеет своей свободы. «Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин 8:36). О Иисусе, Искупитель пленных душ наших! Растерзай узы наши, да принесем жертву хвалы Тебе» [2].

Горянчиков, погруженный в «тьму страстей», не видел духовного света в простолоудине, не замечал страдания в душе, может быть, более него пострадавшей. Об этом он и «плачет» в своей исповеди.

Обращение Тихона к образам преступников, к закованным в кандалы (в метафорическом плане) должно было привлечь к себе особое внимание Достоевского, работавшего над книгой об остроге. Святитель обращается к «сидящим в темнице»: «Вы, возлюбленные страдальцы Христовы, претерпите, что страждете! Тело ваше заключено, но дух ваш свободен, руки и ноги ваши связаны, но души ваши святые разрешены благодатию Христовою, света солнечного не видите, но свет Божественный внутрь просвещает вас, в темнице заключены вы, но небо отверсто вам, не имеете утешения мира сего, но благодать Божия внутрь утешает вас. Поминайте, о страдальцы и сопричастники мученикам и исповедникам Христовым, что Христос, Господь наш, связан был

грехов ради наших. По сей темнице воцаритесь со Христом, с которым страждете. «С ним страждем, да и с Ним прославимся. Непщую бо, яко недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явится в нас» (Римлянам, 8, 17 и 18) [2] Через страдания, мучения человек становится сопричастен страданиям Христа, и это открывает для него путь воскресения. Страданиями каторги выжито Горянчиковым ясное и успокоенное сознание нового пути, представление о народе как носителе и хранителе идеала, воплощением которого является Христос.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990.
2. Задонский Тихон. Сокровище духовное. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/4027> (дата обращения: 31.10.2021).
3. Лапицкая Т. А., Фридендер Г. М. Комментарии: Ф. М. Достоевский <Житие великого грешника> // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 10. Л., 1991. С. 407.
4. Марков Е. Критические беседы. Романист-психиатр. (По поводу сочинений Достоевского) // Русская речь. 1879. № 5. С. 243–275.
5. Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж, 1980.
6. Пономарева Л. Г. Острожник за книгой (круг чтения Ф. М. Достоевского в Омске). URL: <http://omsklib.ru/memorials/fx4bt20ogn/fx4c8f9gsp> (дата обращения: 31.10.2021).
7. Сатарова Л. Г., Стюфлеева Н. В. Творения Святителя Тихона Задонского и проблема «положительно прекрасного человека» в романах Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот») // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 3. С. 11–17.
8. Туниманов В.А. Творчество Достоевского (1854–1862). Л., 1980.
9. Шестов Л. На весах Иова. (Странствования по душам). Paris, 1975.

References

1. Dostoevskij, F. M. *Polnoe sobranie sochinenij v 30 tomah*. [Complete works in 30 volumes]. L., 1972–1990.
2. Zadonskij Tihon. *Sokrovishche duhovnoe*. [Spiritual treasure]. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/4027> (date of access: 10/31/2021).
3. Lapickaya, T. A., Fridlender, G. M. *Kommentarii: F.M. Dostoevskij <Zhitie velikogo greshnika>* [Comments: F. M. Dostoevsky "The Life of the Great Sinner"] // Dostoevskij F. M. *Sobranie sochinenij v 15 tomah* [Collected works in 15 volumes]. T. 10. L., 1991. S. 407.
4. Markov, E. *Kriticheskie besedy. Romanist-psihiatr. (Po povodu sochinenij Dostoevskogo)* [Critical conversations. Novelist psychiatrist. (Concerning the works of Dostoevsky)] // *Russkaya rech'*. [Russian speech]. 1879. No. 5. S. 243–275.
5. Mochul'skij, K. *Dostoevskij. ZHizn' i tvorchestvo*. [Dostoevsky. Life and creation]. Parizh, 1980 Paris, 1980.
6. Ponomareva, L. G. *Ostrozhnik za knigoj (krug chteniya F. M. Dostoevskogo v Omske)* [Ostrozhnik reading a book (reading circle of F.M. Dostoevsky in Omsk)]. URL: <http://omsklib.ru/memorials/fx4bt20ogn/fx4c8f9gsp> (date of access: 10/31/2021).

7. Satarova, L. G., Styufleeva, N. V. *Tvoreniya Svyatitelya Tihona Zadonskogo i problema «polozhitel'no prekrasnogo cheloveka» v romanah F. M. Dostoevskogo («Prestuplenie i nakazanie», «Idiot»)* [The works of St. Tikhon of Zadonsk and the problem of a "positively beautiful person" in the novels of F. M. Dostoevsky ("Crime and Punishment", "The Idiot")] // *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika*. [Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism]. 2021. No. 3. S. 11–17.

8. Tunimanov, V. A. *Tvorchestvo Dostoevskogo (1854–1862)* [The works of Dostoevsky (1854–1862)]. L., 1980.

9. SHestov, L. *Na vesah Iova. (Stranstvovaniya po dusham)* [On the scales of Job. (Heart-to-heart wanderings)]. Paris, 1975.